

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ГУМАНИСТ

К 120-летию со дня рождения А. П. Чехова

Всемирная слава к старшим современникам Чехова — Достоевскому и Толстому — пришла еще при их жизни. К Чехову лишь посмертно. Однако его международное признание так стремительно росло от десятилетия к десятилетью, что теперь Чехов во всем мире воспринимается в одном ряду с авторами «Анны Карениной» и «Братьев Карамазовых».

Столь бурный рост популярности показывает, как глубоко был прав Лев Толстой, когда, назвав Чехова «художником жизни», тут же отметил: главное достоинство чеховского творчества состоит в том, «что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще». Зарубежные отклики на творчество Чехова прекрасно подтверждают это. Так, известный английский актер Пол Скофилд в 1968 году писал: «Чехов один из самых национальных писателей, характеры его героев чисто русские. Но проблемы, которые волнуют чеховских героев, и счастье, и несчастье, и семейная жизнь, и испытания, — одинаковы у народов разных стран».

Вместе с тем за рубежом неоднократно говорилось о значении правды о России, о русских людях, которую поведал миру Чехов. «Наряду с Толстым», — писал в 1958 году Клод Руа, — Чехов является, пожалуй, именно тем революционным писателем, благодаря которому повсюду в мире стали лучше понимать и больше любить его народ. Чехов... помогает нам понять и нынешнюю Россию. Путями сердца Чехов дает нам почувствовать, насколько революция была необходима, что ее призвала вся живая, страдающая, мыслящая Россия...»

На первый взгляд это очень разные, даже взаимоисключающие суждения и оценки. Однако в том-то и дело, что у Чехова одно не противоречит другому.

Чехов действительно русский писатель в самом глубоком понимании этого определения — не только в силу его любви к русскому человеку и русской природе, его поглощенности проблемами русской жизни. Чехов гениально выразил в своем творчестве важнейшую особенность русской прогрессивной общественной мысли — ее озабоченность коренными вопросами общественного бытия, затрагивающими кровные интересы не только русского, но и всякого человека без различия его национальной и расовой принадлежности.

Нередко, говоря о мировом значении творчества Чехова, исследователи обращают внимание на новую художественную форму, которой писатель обогатил мировую литературу. Нет сомнения, значение этого чеховского открытия велико. И это было отмечено уже Толстым. И все же, характеризуя Чехова, Толстой прежде всего подчеркивал, что он «художник жизни». И Горький видел силу Чехова

художника в том, что «он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше ее».

Предшественники и старшие современники Чехова, каждый по-своему, подвергли строй буржуазных отношений глубокой критике. Однако в своих раздумьях о настоящем и будущем России и Л. Толстой, и Г. Успенский, и Ф. Достоевский исходили из того, что Россия так или иначе сможет миновать путь капиталистического развития со всеми теми бедами и страданиями, которые он несет человеку.

Чехов был первым русским писателем, который с неотразимой убедительностью показал, что буржуазные отношения уже прочно укоренились в России, пропитав все поры не только деловой, служебной, но и частной, семейной жизни. Вот почему он имел основание заявлять: «Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках, я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи...»

Чехов унаследовал традицию русской реалистической литературы, создавшей много образов «задумавшихся» людей, людей, вступивших в острый конфликт с нравами и порядками своего времени. Однако в подавляющем большинстве случаев надежды на будущее связывались у писателей не с этими людьми, а с народом, под которым традиционно подразумевалось крестьянство. При этом отношения мыслящего интеллигента с народом рисовались как весьма сложные, а подчас и остродраматические. Все более неразрешимой становилась и проблема соотношения народа, как носителя некой высшей правды, с одной стороны, и крестьянства как исторической реальности — с другой.

Чехов и тут сделал крупный шаг вперед, отказавшись от традиционного представления о народе как о крестьянстве. Убеждение, что «все мы народ и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное», дало ему возможность не только покончить с идеализацией крестьянской жизни того времени, но и сказать о ней ту страшную правду, которая вершила характеристику современной действительности.

Чехов показал враждебность существовавшего тогда строя не только эксплуатируемому народу, но и всякому человеку. Жертвами этого строя становятся и представители господствующих классов, которых он также обезличивает, и интеллигенты, подавшиеся иллюзии мещанского, буржуазного счастья или безвольно сросшиеся с привычным бытом и нравами.

Всеобщим оказывается и конфликт с буржуазным строем. Задумавшийся человек у Чехова лишается исключительности своих предшественников в русской литературе. В этот конфликт

вступает всякий человек, сохранивший человечность.

Неотразимая сила творений Чехова в их человечности.

О каких бы сложных проблемах в произведениях Чехова ни шла речь, они всегда у него очеловечены, предстают в конечном счете как вопросы очевидной справедливости или несправедливости. Прежде всего — по отношению к самому герою. Так, например, разрешаются сложные философские споры Громова и Рагина в «Палате № 6». Именно грубая несправедливость по отношению к самому доктору Рагину, когда он воочию знакомится с палатой № 6 и свинцовыми кулаками смотрителя Никиты, позволяет ему понять ту жизненную правду, которую он так убежденно оспаривал и которую почему-то не мог разглядеть многие годы. Предсмертные мысли Рагина, познавшего вкус собственной крови, оказываются итогом философских дискуссий и для читателей. Теперь уже не только умом, но и всей памятью своих чувств, разбуженных этой вопиющей несправедливостью, приобщаются они к итоговым выводам и заключениям повести.

В данном случае Чехов переводит философские дебаты на язык общечеловеческой нравственности путем особого сюжетного построения, завершающегося неожиданным водворением Рагина в палату № 6. В иных случаях сходные результаты достигаются соответствующей формой повествования. Так, картины произвола, наглого грабежа, беззастенчивого повседневного поправления справедливости, нарисованные в повести «Моя жизнь», потому и производят по-чеховски неотразимое впечатление, что о них идет речь в исповеди героя, для которого все это — факты повседневного существования и его самого, и его товарищей.

Классическим примером тех результатов, которых добивается Чехов, прибегая к субъективно окрашенному описанию окружающих героя реалий, стали картины падающего снега в рассказе «Припадок». Именно эти картины, отражающие изменение не только настроения, но и содержания мыслей студента Васильева, может быть, больше, чем другие элементы художественной структуры рассказа, подводят нас к его конечным заключениям.

Беспощадное обнажение писателем противоестественности буржуазных нравов и порядков, диктуемое его последовательным гуманизмом, нередко демагогически используется на Западе для того, чтобы представить Чехова провозвестником идей бессмысленности человеческого существования вообще и в связи с этим объявить его отцом декадентской литературы XX века, театра абсурда, в частности. Принципиальное отличие Чехова от декадентов всех мастей — его исторический оптимизм — во внимание при этом, конечно, не принимается.



ся. Игнорируется и его вера в человека, его убеждение, что в человеке все должно быть прекрасно: «и лицо, и одежда, и душа, и мысли», что люди построит новое общество, основанное на справедливости.

Однако чеховский гуманизм означал высочайшую требовательность не только к социальному строю, но и к человеку, непримиримое отношение к тем, кто воплощал в себе господствующие порядки, кто их охранял и укреплял.

Отношение Чехова к иным из его персонажей представляется собой сложный сплав чувств: человека как жертве господствующих порядков и нравов и одновременно укора ему за бесхарактерность, лень, податливость. И в тех случаях, когда писатель рисует персонажей, которых с полным основанием можно считать положительными героями, он стремится к строгой правде, исключая идеализацию.

Эту особенность создания Чеховым образа положительного героя сочувственно отметил Лев Толстой. После чтения повести «В овраге» он записал в дневнике 7 мая 1900 года: «Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, которую приобретают типы от смело накладываемых теней. Сделаю это на Хаджи-Мурате и Марье Дмитриевне».

Не скрывая слабостей и недостатков явно близких ему людей, Чехов главное свое внимание сосредоточивает на основном в их духовном облике — на их конфликте с буржуазным строем, их устремленности к жизни, достойной человека.

Чехов запечатлел процесс внутреннего освобождения человеческой личности от рабских пут буржуазного строя, коренной переоценки всех его, казалось бы, незыблемых ценностей и одновременно показал устремленность человека к новой жизни, которая дала бы людям неограниченные возможности для всестороннего развития. Чехов-художник открыл общечеловеческое значение этого процесса. Это и определяет всемирное значение его творчества, делает его столь близким советскому народу, прогрессивным людям всей планеты.

Г. БЕРДИКОВ.

Директор Института мировой литературы имени М. Горького, член-корреспондент АН СССР.